

УМ И СЕРДЦЕ В ЭПИСТОЛЯРНОМ НАСЛЕДИИ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО (ДОКАТОРЖНЫЙ ПЕРИОД)

Пётр Максимович Максимов

бакалавр богословия
методист кафедры филологии Московской духовной академии
141300, Сергиев Посад, Троице-Сергиева лавра, Академия
p.max37@yandex.ru

Для цитирования: Максимов П. М. Ум и сердце в эпистолярном наследии Ф. М. Достоевского (докаторжный период) // Слово и образ. 2024. № 2 (11). С. 26–43. DOI: 10.31802/WI.2024.11.2.003

Аннотация

УДК 2-584.7 (82.091)

В статье (на материале эпистолярного наследия докаторжного периода Ф. М. Достоевского) рассматривается, как понимал писатель человеческие ум и сердце. Известно, что великий писатель не только в творчестве, но и в письмах уделял большое внимание этим понятиям. В рамках рассуждения над рациональным и эмоциональным (на материале писем Достоевского) предпринимается попытка решения проблемы интерпретации выражений «тайна человека» (в известном письме брату от 16 августа 1839 года) и дневникового «глубины души человеческой». Автор исследования выдвигает гипотезу о том, что в двух известных письмах кратко очерчена перспективная программа творчества Ф. М. Достоевского в плане изображения человека и раскрытия этой «тайны человека», суть которой в изображении гармоничного соотношения ума и сердца его героев. В статье показано, что не только в гениальных произведениях Достоевского, но и в жизни главным в человеке для него было именно сердце, что непосредственно подтверждается и его эпистолярным наследием. Методами исследования выступают: биографический анализ и анализ эпистолярного наследия, филологический сравнительно-исторический анализ текстов, богословский анализ.

Ключевые слова: ум и сердце, эпистолярное наследие Ф. М. Достоевского, проблема «тайны человека» в творчестве Ф. М. Достоевского, святоотеческое наследие, раннее творчество Ф. М. Достоевского, богословское осмысление проблем творчества Ф. М. Достоевского, Ф. М. Достоевский и Православие.

The Mind and the Heart in the Epistolary Legacy of F. M. Dostoevsky (the Pre-Penal Period)

Petr M. Maximov

BA in Theology

Methodologist at the Department of Philology

at the Moscow Theological Academy

Academy, Holy Trinity-St. Sergius Lavra,

Sergiev Posad 141300, Russia

p.max37@yandex.ru

For citation: Maximov, Petr M. "Mind and Heart in the Epistolary Legacy of F. M. Dostoevsky (the Pre-Penal Period)". *Word and Image: Questions of Studying the Christian Literary Heritage*, № 2 (11), 2024, pp. 26–43 (in Russian). DOI: 10.31802/WI.2024.11.2.003

Abstract. The article (based on the epistolary legacy of the pre-penal period of F. M. Dostoevsky) examines how the writer understood the human mind and heart. The research methods are: biographical analysis and epistolary heritage analysis, philological comparative historical analysis of texts, theological analysis. It is known that the great writer, not only in his work, but also in his letters, paid great attention to these concepts. Within the framework of reasoning over the rational and emotional (based on the material of Dostoevsky's letters), an attempt is made to solve the problem of interpreting the expressions "the mystery of man" (in the famous letter to his brother dated August 16, 1839) and the diary "depths of the human soul". The author of the study hypothesizes that two well-known letters briefly outline a promising program of F. M. Dostoevsky's work in terms of depicting a person and revealing this "mystery of man", the essence of which is to depict the harmonious relationship between the mind and heart of his characters. The article shows that not only in Dostoevsky's brilliant works, but also in life, the heart was the main thing in a person for him. This is directly confirmed by his epistolary legacy.

Keywords: mind and heart, F. M. Dostoevsky's epistolary legacy, the problem of the "mystery of man" in F. M. Dostoevsky's work, patristic heritage, F. M. Dostoevsky's early work, theological understanding of the problems of F. M. Dostoevsky's work, F. M. Dostoevsky and Orthodoxy.

Введение

«...Идеи меняются, сердце остаётся одно»¹ — с уверенностью писал Ф. М. Достоевский в 1856 году А. Н. Майкову. На протяжении всей жизни, не только в позднем, но и в раннем эпистолярном наследии Ф. М. Достоевского, как и в его художественных произведениях, всегда находится место для раскрытия категорий ума и сердца.

В рамках традиционных для девятнадцатого века рассуждений о соотношении рационального и эмоционального, осмысливающих итоги художественного видения и изображения человека в классицизме и сентиментализме, в письмах Достоевского не раз поднимаются проблемы «тайны человека»². В частности, в известном письме брату³, а также в других письмах и дневниковых записях, в которых писатель касается «глубин души человеческой»⁴, явно просматривается программа дальнейшего творчества Ф. М. Достоевского, суть которой в плане разгадки «тайны человека» высвечивается в изображении динамики становления гармоничного соотношения ума и сердца его героев, или, напротив — в полном их рассогласовании (тут — раскрывается широкий простор для приведения примеров и проведения анализа самого широкого круга героев Достоевского).

Но что послужило основанием такого глубокого и последовательного внимания Фёдора Михайловича к сердцу? Было ли упоминание ума и сердца лишь этикетной или «катехизисной»⁵ формой в переписке, или же напротив, выражением формирующегося мировоззрения великого писателя? В этом необходимо разобраться.

1 *Достоевский Ф. М.* Письмо А. Н. Майкову от 18 января 1856 г. Семипалатинск // Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 28. Кн. 1. Л., 1985. С. 208.

Данное убеждение Достоевского, согласно мнению профессора А. М. Буланова, «выражает и веру в “сердце” человека, и признание принципиальной возможности “ошибок ума”». (см.: *Буланов А. М.* Указ. соч. С. 273).

2 *Достоевский Ф. М.* Письмо М. М. Достоевскому от 16 августа 1839 года // ПСС: в 30 т. Т. 28. Кн. 1. Л., 1985. С. 63.

3 Там же.

4 *Достоевский Ф. М.* Дневник Писателя 1881 г. // Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 27. Л., 1984. С. 65.

5 *Плетнев Р. В.* Достоевский и Евангелие // Русские эмигранты о Достоевском. СПб., 1994. С. 163.

1. Источник понимания ума и сердца Ф. М. Достоевским

Есть разные точки зрения на то, в каком контексте понимал великий писатель эти термины. Как писал профессор А. М. Буланов, «с одной стороны, источником размышлений писателя о соотношении “ума” и “сердца” мог быть живший в семнадцатом веке Б. Паскаль, у которого “принцип сердца” играет чрезвычайно важную роль»⁶.

Однако нужно сказать, что для девятнадцатого века в целом были характерны рассуждения о соотношении рационального и эмоционального. В рамках литературных направлений (классицизма и сентиментализма) осмысливались итоги художественного видения и изображения человека. Так, в классицизме утверждался идеал разума (просвещенный монарх и вообще просвещенный человек: мыслитель, философ, естествоиспытатель, ученый и т. д.). В произведениях писателей «излюбленные коллизии — столкновение долга и чувства, борьба разума и страсти. В центре произведений классицистов — героическая личность и вместе с тем благовоспитанный человек, который стоически стремится преодолеть собственные страсти и аффекты, обуздать или хотя бы осознать их»⁷, естественно посредством разума.

А в сентиментализме — идеал сердца («чувствительный человек»⁸). Как замечают ученые, «для писателя-сентименталиста понятие “чувствительность” очень емко; это качество присуще и Шекспиру, и Руссо, и Ричардсону, и Стерну, и Томсону, и Гете. “Чувствительный” автор, по Карамзину, способен глубоко проникать во “внутреннего человека” и своим изображением страстей “трогать сердце”»⁹. Поэтому, вполне можно полагать, что Достоевский мог опираться не только, например, на «Мысли»¹⁰ Б. Паскаля, но и на весь опыт XVIII века, и творчески его переосмысливать в своих романах.

6 Буланов А. М. Святоотеческая традиция понимания сердца в творчестве Ф. М. Достоевского // Христианство и русская литература. СПб.: Наука, 1994. С. 271.

7 Классицизм // Большая российская энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL: <https://bigenc.ru/c/klassitsizm-6a4dc5> (дата обращения: 14.01.2024).

8 Это понятие впервые ввёл Н. М. Карамзин. Впервые он его высказал в очерке «Чувствительный и холодный» в 1803 году. См.: Карамзин Н. М. Чувствительный и холодный // Избранные сочинения: в 2 т. Т. 1. М.; Л.: Художественная литература, 1964. С. 740–754.

9 Кочеткова Н. Д. Сентиментализм. Карамзин // История русской литературы: в 4 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). Л.: Наука, 1980. Т. 1 // Фундаментальная электронная библиотека «Русская литература и фольклор». [Электронный ресурс]. URL: <https://feb-web.ru/feb/irl/rl0/rl1/rl1-7262.htm?cmd=p> (дата обращения: 14.01.2024).

10 Паскаль Б. Мысли. СПб., 1888.

А если говорить о романтизме XIX века, то здесь идеалом человека провозглашалась уже не разум, и не чувство, а свобода («свободный человек»). «требование свободы в воспроизведении... жизни присутствует почти во всех романтических манифестах (у братьев А. и Ф. Шлегелей в Германии, у У. Вордсворта и Дж. Байрона в Англии, у В. Гюго во Франции, у Э. По в США)»¹¹. Между тем, о том, что Достоевский изучает человека ... в его свободе, которой дано решать...»¹² много писал известный русский мыслитель, протоиерей Георгий Флоровский.

«Очень рано Достоевскому открылась таинственная антиномия человеческой свободы. Весь смысл и радость жизни для человека именно в его свободе, в волевой свободе, в этом “своеволии” человека. ... Достоевский видит и изображает этот мистический распад самодовлеющего дерзновения, вырождающегося в дерзость и даже в мистическое озорство. Показывает, как пустая свобода ввергает в рабство, — страстям или идеям. И кто покушается на чужую свободу, тот и сам погибает. В этом тайна Раскольникова, “тайна Наполеона”»¹³. Но осмысление этого высказывания пригодится при более развернутом исследовании о целостной концепции человека у Достоевского, его ума, чувства и воли. Здесь же важно сказать, что Достоевский в своем творчестве мог следовать устоявшимся законам позднего романтизма.

Однако, по мнению профессора А. М. Буланова, есть и другой — с одной стороны, дополняющий все предыдущие, а с другой — гораздо более основательный источник понимания взаимоотношений ума и сердца человека в художественном творчестве писателя — «учение о человеке, созданное восточными аскетами и Отцами Церкви»¹⁴. И в этой связи показательны два письма Ф. М. Достоевского, написанные им практически сразу после выхода из Омского острога.

В письме от 30 января — 22 февраля 1854 г. Фёдор Михайлович пишет брату М. М. Достоевскому: «Если можешь, пришли мне журналы на этот год, хоть «Отечеств<енных> записок». Но вот что необходимо: мне надо (крайне нужно) историков древних (во французск<ом> переводе) и новых [в примечании под строкой: Вико, Гизо, Тьери, Тьера, Ранке, и т. д. и т. д.], экономистов и отцов Церкви. Выбери дай дешевле и компактные издания. *Пришли немедленно* (Курсив

11 *Карташова И. В.* Романтизм и христианство // Русская литература XIX века и христианство. М., 1997. С. 109–110.

12 *Георгий Флоровский, прот.* Пути русского богословия. Минск, 2006. С. 291

13 Там же. С. 291–292.

14 Там же. С. 271.

Ф. М. Достоевского. — П. М.)»¹⁵. И чуть позже, в этом же письме: «Не забудь же меня книгами, любезный друг. Главное: историков, экономистов, «Отечественные» записки», отцов Церкви и историю Церкви»¹⁶.

Также в другом письме брату Михаилу от 27 марта этого же года можно прочитать: «а теперь попрошу у тебя книг. Пришли мне, брат. Журналов не надо; а пришли мне европейских историков, экономистов, святых отцов, по возможности всех древних (Геродота, Фукидита, Тацита, Плиния, Флавия, Плутарха и Диодора и т. д. Они все переведены по-французски) ... Конечно, не всё вдруг, а что только можешь... Я и за малое поклонюсь тебе. Пойми, как нужна мне эта духовная пища!»¹⁷. Как видно, в обоих письмах наряду с «европейскими экономистами» и «историками» настойчиво упоминаются и святые отцы, из чего можно сделать предположение о том, что, получив их творения, Ф. М. Достоевский мог познакомиться с аскетическим учением о человеке, с учением об уме и сердце.

Естественно, здесь можно напротив, не согласиться, и возразить, что из этого еще не следует, что великий писатель, через полученные в семипалатинской ссылке творения подвижников Церкви, почерпнул именно в них понимание взаимоотношений рационального и эмоционального в человеке. Действительно, источник понимания ума и сердца Достоевским еще не до конца установлен, и над этой проблемой предстоит еще много поработать.

Однако, здесь нельзя также и не сказать, что в науке есть убеждение о том, что если даже Достоевский не получил творения святых отцов в семипалатинской ссылке, то всё равно не мог не познакомиться с их трудами по крайней мере до написания своего первого великого романа «Преступление и наказание». В частности, профессор Татьяна Александровна Касаткина¹⁸ в своей статье так и пишет: «самым полным и доступным собранием св. отцов на тот момент и было “Добротолюбие”. Независимо от того, смог ли послать Михаил Михайлович брату в ответ на его просьбу эту книгу в 1854 г., у Достоевского, учитывая

15 *Достоевский Ф. М.* Письмо М. М. Достоевскому от 30 января – 22 февраля 1854 г. Омск // Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 28. Кн. 1. Л., 1985. С. 171–172.

16 Там же. С. 173.

17 *Достоевский Ф. М.* Письмо М. М. Достоевскому от 27 марта 1854. Семипалатинск // Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 28. Кн. 1. Л., 1985. С. 178.

18 Татьяна Александровна Касаткина — доктор филологических наук, главный научный сотрудник, заведующая Научно-исследовательским центром «Ф. М. Достоевский и мировая культура».

его настойчивое желание, было много времени и возможностей ознакомиться с ней до осени 1865 г.»¹⁹.

Впрочем, как отметил профессор А. М. Буланов²⁰, «можно, конечно, искать истоки различения “рассудка” и “разума”... в немецкой классической философии..., однако идея о “цельном знании”, гнозисе, где “разум” не тождествен “рассудку”, о способности логического и дискурсивного развертывания мысли достаточно глубоко прорабатывалась неоплатониками, а затем и Отцами Церкви»²¹. Если же говорить о православной святоотеческой традиции интерпретации ума и сердца, то необходимо вспомнить, как понимаются ум и сердце в святоотеческом богословии и в православной традиции.

2. Ум и сердце в христианском святоотеческом богословии. Неразделимое единство ума и сердца

Нельзя не сказать, хотя бы вкратце, что святоотеческое учение об уме и сердце проистекает из Божественного откровения: «Вообще в русском переводе Библии слово сердце встречается 591 раз в Ветхом Завете и 155 раз в Новом Завете.... Может быть, некоторые случаи ветхозаветного употребления слова «сердце» и не вполне соответствуют нашему современному контексту, но и оставшиеся случаи будут свидетельствовать о центральности понятия сердца как в Новом, так и в Ветхом Завете»²². В Священном Писании как Ветхого, так и Нового Завета о нём упоминается в самых разных контекстах. Существенным мотивом является *чистота сердца*, как условие приближения к Богу. Уже в Ветхом Завете прикровенно звучат призывы о внимании к своему внутреннему существу: *обратитесь к Богу во глубину сердца, от которого вы далеко отступили* (Ис. 31, 6). В Евангелии Спасителем сказано уже более

19 Касаткина Т. А. Достоевский и исихазм: «Преступление и наказание» // Неизвестный Достоевский. 2022. №4. С. 182.

20 Александр Матвеевич Буланов (1945–2006) – доктор филологических наук, профессор кафедры литературы Волгоградского государственного педагогического университета. Именно А. М. Буланов был первым, кто выделил «вопрос о соотношении “ума” и “сердца” в творчестве Ф. М. Достоевского» (см.: Буланов А. М. Святоотеческая традиция понимания сердца в творчестве Ф. М. Достоевского // Христианство и русская литература. СПб., 1994. С. 270).

21 Там же. С. 273.

22 Сердце: христианское учение // Азбука веры. [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/serdce-xristianskoe-uchenie#_ftnref2 (дата обращения: 19.11.2024).

явственно: *Блаженни чистии сердцем, ибо они Бога узрят* (Мф. 5, 3–12). Также в библейских текстах нередко сердце противопоставляется отчужденному от Бога уму (или уму самому по себе) *надейся на Господа всем сердцем твоим, и не полагайся на разум твой* (Притч. 3, 5).

Вслед за Священным Писанием древними и новыми отцами Церкви были составлены многие тома аскетических и богословских трудов²³ о хранении²⁴ сердца, о борьбе с помыслами. Также в этих творениях глубоко освещена мистическая жизнь ума и сердца, и, в частности, изложено учение о гармонии ума и сердца. Исходя из академического богословия, можно дать следующие определения исследуемым понятиям. Так, в одном из авторитетных богословских трудов написано, «ум» — высшая составляющая человеческого естества²⁵. Именно ум «является той созерцательной способностью, посредством которой человек устремляется к Богу»²⁶.

Соответственно, сердце представляет собой «средоточие человеческого существа, корень деятельных способностей, интеллекта и воли, точку, из которой исходит и к которой возвращается вся духовная жизнь»²⁷ человека. Более того, «сама жизнь ума является делом сердца, чистота сердца возвращает уму целостность созерцания»²⁸. При этом можно заметить, что «в святоотеческом богословии ум связывается и отождествляется с сердцем»²⁹, это объясняется тем, что их гармония является идеалом душевного устройства подвижника. «“Единение ума с сердцем”, “нисхождение ума в сердце”, “хранение сердца умом” — эти выражения постоянно встречаются, в аскетической литературе Восточной Церкви. Без сердца,

23 Например: *Григорий Синаит, прп.* О безмолвии и молитве. 1900; *Никодим Святогорец, прп.* Невидимая брань / пер. с греч. еп. Феофана Затворника Вышенского. М.: Отчий дом, 2023; *Паисий Величковский, прп.* Об умной или внутренней молитве. М., 2014; *Максим Исповедник, прп.* Мистагогия // [перевод с древнегреческого А. И. Сидорова; вступительная статья А. В. Маркова]. М.: Рипол-классик, 2018; *Григорий Палама, свт.* Триады в защиту священнобезмолствующих. М., 2005. С. 47; *Григорий Нисский, свт.* Об устройении человека. М., 2004; и многие др.

24 *Больше всего хранимого храни сердце твое* (Притч. 4, 23) такие призывы звучали еще и в Ветхом Завете, но особенное звучание сердце приобретает в Новом Завете.

25 *Лосский В. Н.* Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие / пер. с фр. мон. Магдалены (В. А. Решиковой). СТСЛ, 2012. С. 304.

26 Там же.

27 Там же. С. 303.

28 См.: *Исаак Сириин, прп.* Творения: слова подвижнические. Сергиев Посад, 1911. С. 4, 24–25, 205–206, 262–263, 393.

29 *Григорий (Кацяя), иерод.* О сердце человека // Православие. [Электронный ресурс]. URL: https://pravoslavie.ru/42493.html#_ftn1 (дата обращения: 27.11.2024).

средоточия всей деятельности человека — ум бессилён. Без ума — сердце слепо, лишено руководства. Поэтому надо находить гармоническое соотношение между умом и сердцем, чтобы строить человеческую личность в благодати»³⁰. «Сердце всегда должно быть горячим, ум всегда должен оставаться холодным, ибо за сердцем следит ум»³¹.

«Где сердце? — Где отзывается и чувствуется печаль, радость, гнев и прочее, там сердце. Телесный же орган сердце служит только орудием, как мозг орудие для ума»³². «Характер всех дел человека определяется состоянием его сердца»³³ — утверждает святой праведный Иоанн Кронштадтский.

Отчасти и в раннем, но особенно в позднем творчестве Ф. М. Достоевский придавал большое значение уму и сердцу человека, искусно «изображая все глубины души человеческой»³⁴ — «духовная пища»³⁵, которую он искал во время сибирской ссылки, отразилась в его художественных трудах.

При этом еще прежде, в том числе и в своем эпистолярном наследии, он оставил много фраз — своеобразных «кейсов», в которых усматриваются основные векторы развития его художественного творчества. Некоторые из них будут отдельно рассмотрены ниже.

3. «Глубины души человеческой» и «тайна человека» как единая программа изображения писателем соотношения ума и сердца. Проблемы интерпретации

«В глубине души человеческой он раскрывает Бога и дьявола и бесконечные миры, но всегда раскрывает через человека и из какого-то иступлённого интереса к человеку»³⁶, — писал о Достоевском известный русский религиозный философ Н. А. Бердяев. Но и сам философ

30 Лосский В. Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. С. 305.

31 Там же. С. 303.

32 Феодан (Говоров), еп. Ответы на вопросы инока относительно различных деланий монашеской жизни. Боровичи: Тип. И. С. Гомзина, 1908. С. 5.

33 Ср.: Сергиев Иоанн, прот. Моя жизнь во Христе. Ч. 2. С. 141.

34 Достоевский Ф. М. Дневник Писателя 1881 г. // Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. 27. Л., 1984. С. 65.

35 Достоевский Ф. М. Письмо М. М. Достоевскому от 27 марта 1854. Семипалатинск // ПСС: в 30 т. Т. 28. Кн. 1. Л., 1985. С. 178.

36 Бердяев Н. А. Откровение о человеке в творчестве Достоевского. М.: Т8RUGRAM, 2018. С. 8.

в своих работах, по замечанию современных исследователей, «заглядывает внутрь души писателя, пытается воспроизвести его идеи и мировоззрение»³⁷, чем и обусловлен интерес к его наследию. В частности, автора статьи как исследователя ума и сердца в творчестве Ф. М. Достоевского, привлекает то, что мыслитель дальше неоднократно повторяет в своей работе слово «глубина» и производные от него, однако не сразу уточняет, что именно он понимает под «глубиной души человеческой»³⁸. Также он не указывает авторства этой цитаты. Вероятно, философ полагал, что источник этой фразы и так хорошо известен, — это сам Достоевский. Иными словами, в высказывании Н. А. Бердяева отсылка к уже процитированной выше записи³⁹ в Дневнике Писателя, сделанной Фёдором Михайловичем в последний год его жизни а качестве «формулировки творческой самохарактеристики»⁴⁰. При размышлении над этой цитатой возникает вопрос: какая глубина человеческой души может находиться вне человеческого сердца? Соответственно, если это «глубина» в сердце, то как же словосочетание близко православной аскетике! Замечательно пишет преподобный Макарий о «тайниках души человеческой»: «напряги, человек, помыслы свои, и войди к этому пленнику и рабу греха — уму твоему, и рассмотри этого на самом дне твоего ума, во глубине помыслов, в так называемых тайниках души твоей пресмыкающегося и гнездящегося змия, который убил тебя, поразив главнейшие члены души твоей, потому что сердце есть необъятная бездна»⁴¹. Также «деятельность души человеческой имеет своим непосредственным органом не один головной мозг со всей нервной системой, но и сердце, которое...служит ближайшим органом душевной жизни. Общее чувство души всегда отражается в сердце»⁴², — пишет

- 37 *Фёдорова П. С.* Н. А. Бердяев о Достоевском-антропологе. Слово и образ. Вопросы изучения христианского литературного наследия. 2022. № 1 (6). С. 104.
- 38 *Бердяев Н. А.* Откровение о человеке в творчестве Достоевского. М.: Т8RUGRAM, 2018. С. 8.
- 39 «...я лишь реалист в высшем смысле, то есть изображаю все глубины души человеческой». См.: *Достоевский Ф. М.* Дневник Писателя 1881 г. // ПСС: в 30 т. Т. 27. Л., 1984. С. 65.
- 40 *Власкин А. П.* Надрыв // Федор Достоевский. Антология жизни творчества. [Электронный ресурс]. URL: <https://fedordostoevsky.ru/research/aesthetics-poetics/173/> (дата обращения: 15.11.2024).
- 41 *Макарий Великий, прп.* Духовные беседы, послания и слова. М.: Изд. Сретенского монастыря, 2004. С. 2.
- 42 *Шиманский Г. И.* Христианская добродетель целомудрия и чистоты по учению святых отцов и подвижников православной церкви. СПб.: Общество памяти игумении Таисии, 2017. С. 435.

богослов и духовный писатель Гермоген Иванович Шиманский. Однако здесь необязательно скрыт именно такой смысл. Но, надо полагать, и в секулярном (философском, литературном, каком угодно) представлении «глубина души человеческой»⁴³ непременно находится в сердце.

Примечательно, что сам Ф. М. Достоевский употребляет слова «душа» и «сердце» практически в одном смысловом контексте, когда говорит о «тайне человека». Из чего можно предположить, что «глубины души человеческой»⁴⁴ и «тайна человека»⁴⁵ в сущности одно, и тоже (или, во всяком случае, термины, сформулированные писателем в разные периоды творчества в рамках одной большой литературной задачи длинной во всю жизнь). Так, в весьма известном и часто цитируемом письме от 16 августа 1839 года юный Фёдор Достоевский пишет брату:

«душа моя недоступна прежним бурным порывам. Всё в ней тихо, как в сердце человека, затаившего глубокую тайну; учиться, «что значит человек и жизнь», — в этом довольно успеваю я; учить характеры могу из писателей, с которыми лучшая часть жизни моей протекает свободно и радостно; более ничего не скажу о себе. Я в себе уверен. Человек есть тайна. Ее надо разгадать, и ежели будешь ее разгадывать всю жизнь, то не говори, что потерял время; я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком. Прощай. Твой друг и брат»⁴⁶.

В этих строках письма 1839 года, адресованного брату Михаилу, с которым Фёдор Достоевский всегда делился самым заветным, обозначаются главные смыслы развития его творчества. Согласно мнению авторитетного литературоведа, профессора А. М. Буланова, «тайна человека, которую писатель разгадывал всю жизнь, заключала в себе и тайну соотношения “ума” и “сердца”»⁴⁷, и «главным для писателя было соотношение “рационального” и “эмоционального”, без которого не может быть раскрыта “тайна человека”»⁴⁸. И возможно, безусловным подтверждением этого мнения является частое словоупотребление Ф. М. Достоевским понятий «ум» и «сердце» уже в раннем эпистолярном наследии.

43 *Достоевский Ф. М.* Дневник Писателя 1881 г. // ПСС: в 30 т. Т. 27. Л., 1984. С. 65.

44 Там же.

45 *Достоевский Ф. М.* Письмо М. М. Достоевскому от 16 августа 1839 года // ПСС и писем: в 30 т. Т. 28. Кн. 1. Л., 1985. С. 63.

46 Там же.

47 *Буланов А. М.* Святоотеческая традиция понимания сердца в творчестве Ф. М. Достоевского // Христианство и русская литература. СПб., 1994. С. 270.

48 Там же. С. 272.

4. Ум и сердце в письмах Достоевского: отождествление человека с сердцем

Как было показано выше, проблема «тайны человека» теснейшим образом связана с проблемой изображения великим писателем ума и сердца его героев.

Нередко и в своей реальной жизни, ведя переписку с разными лицами, Ф. М. Достоевский много раз употребляет слова «ум» и «сердце», причем не столько в физическом, сколько в духовном метафизическом смысле. Данные примеры не раз встречаются в эпистолярном наследии писателя. Важно подчеркнуть, что уже во многих ранних письмах неизбежно отводится место сердцу, акцентируется его важность в тех или иных обстоятельствах.

Так, в письмах за период с конца октября 1838 года — по 30 сентября 1849 (11 лет), т. е. в докаторжный период жизни писателя, слово «сердце» употребляется свыше 39 раз, начиная от простых сердечных приветствий в письмах к отцу, «сердечной признательности»⁴⁹ к другим близким людям до философских интеллектуальных рассуждений в письме брату Михаилу Достоевскому о познании «природы, души, Бога, любви»⁵⁰ не умом, а сердцем. Например, в письме к отцу, Михаилу Андреевичу Достоевскому 30 октября 1838 о неудачной сдаче экзамена, написано: «хотел обрадовать Вас, любезнейший папенька, письмом моим, хотел наполнить сердце Ваше радостью; одно слышал и видел и наяву и во сне»⁵¹. В письме к своей бабушке, Ольге Яковлевне Нечаевой, Фёдор Достоевский, выражая свою признательность, пишет: «любезнейшая бабушка! Как сладко отозвались в сердце моем слова сестры моей, упоминавшей о том, что Вы не забыли меня»⁵².

Также в другом письме, обращенном уже к брату Михаилу, с которым Фёдор Достоевский на протяжении всей жизни — до смерти последнего — делился самым заветным и сокровенным⁵³, можно прочитать:

49 См., например: *Достоевский Ф. М.* Письмо А. Ф. Хотяинцеву 23 марта 1839 // ПСС и писем: в 30 т. Т. 28. Кн. 1. Л., 1985. С. 57.

50 *Достоевский Ф. М.* Письмо М. М. Достоевскому 31 октября 1838 // ПСС и писем: в 30 т. Т. 28. Кн. 1. Л., 1985. С. 53.

51 *Достоевский Ф. М.* Письмо М. А. Достоевскому 30 октября 1838 // ПСС и писем: в 30 т. Т. 28. Кн. 1. Л., 1985. С. 51–53.

52 *Достоевский Ф. М.* Письмо О. Я. Нечаевой 28 января 1840 // ПСС и писем: в 30 т. Т. 28. Кн. 1. Л., 1985. С. 73.

53 «Дружба их, возможно, была “сильнейшим” впечатлением, “пережитым сердцем” юноши Ф. М. Достоевского, и не могла не сказаться на его мировоззрении и художественной

«Благодарю тебя от души, добрый брат мой, за твое милое письмо. Нет! я не таков, как ты; ты не поверишь, как сладостный трепет сердца ощущаю я, когда приносят мне письмо от тебя; ...

...О чего не перечувствует сердце, читая их! Сколько ощущений толпятся в душе, и милых и неприятных и сладких и горьких; да! брат милый, — и неприятных и горьких; ты не поверишь, как горько, когда не разберут, не поймут тебя, поставят всё совершенно в другом виде; совершенно не такая, как хотел сказать, но в другом, безобразном виде... Прочитав твое последнее письмо, я был un enragé⁵⁴, потому что не был с тобою вместе: лучшие из мечтаний сердца, священнейшие из правил, данных мне опытом, тяжким, многотрудным опытом, исковерканы, изуродованы, выставлены в прежалком виде»⁵⁵.

Как видно, здесь сердце упоминается молодым писателем три раза для описания сильных чувств и эмоций, а также сокровенных душевных движений.

Также в этом же 1840 году, 19 июля Фёдор Достоевский пишет брату, в частности, о том, что время показывает, было ли стремление сердца истинным, или напротив ложным:

«...Сбылись ли, я не говорю мечты твои, но сбылось ли то, чем блеснула тебе в глаза судьба, показав в темной перспективе жизни твоей светлый уголок, где сердце сулило себе столько надежд и счастья; время, время много показывает; только одно время может оценить, ясно определить всё значенье этих эпох жизни нашей. Оно может определить, прости мне за слова мои, брат мой, может определить, была ли эта деятельность душевная и сердечная чиста и правильна, ясна и светла, как наше естественное стремление в полной жизни человека, или неправильная, бесцельная, тщетная деятельность, заблужденье, вынужденное у сердца одинокого, часто не понимающего себя, часто еще бессмысленного как младенец, но также чистого и пламенного, невольного, ищущего для себя пищи вокруг себя и истомляющего себя в неестественном стремлении “неблагородного мечтанья”. В самом деле, как грустна бывает жизнь твоя и как тягостны остальные ее мгновения, когда человек, чувствуя свои заблужденье, сознавая в себе силы необъятные, видит, что они истрачены в деятельности ложной, в неестественности,

деятельности» — пишет В. С. Нечаева. См.: *Нечаева В. С.* Ранний Достоевский 1821–1849. М.: Наука, 1979. С. 9.

54 В ярости (франц.; дословно: бешеный человек).

55 *Достоевский Ф. М.* Письмо М. М. Достоевскому 1 января 1840 // ПСС и писем: в 30 т. Т. 28. Кн. 1. Л., 1985. С. 66.

в деятельности недостойной для природы твоей; когда чувствуешь, что пламень душевный задавлен, потушен Бог знает чем; когда сердце разорвано по клочкам, и отчего? От жизни, достойной пигмея, а не великана, ребенка, а не человека. И здесь опять необходима дружба; потому что сердце само осетит себя тогда неразрывными путами, и человек падет духом, поникнет перед случаем, перед причудами сердца своего как перед вельнями судьбы, и сочтет ничтожную паутину за эти ужасные сети, из нитей которых не выбивается никто, перед которыми всё никнет: это тогда когда судьба бывает истинно вельнем провиденья, то есть действует на нас неотразимо силою целой природы нашей»⁵⁶.

Есть письма, где писатель, как тонкий знаток рассматривает взаимосвязь событий сердечной жизни — горя, которое защемяет его (сердце) и радости для утешения близкого человека. Таково письмо брату М. М. Достоевскому от 22 декабря 1841, где можно прочесть: «Ты пишешь мне, бесценный друг мой, о горести, защемявшей сердце твое, о твоём бедствии, пишешь, что ты в отчаянии, мой любезный, а милый брат!..»⁵⁷ и утешает его такими словами: «ты приближаешься к той минуте жизни, когда расцветают все надежды наши и желания наши; когда счастье прививается к сердцу, и сердце полно блаженством;...»⁵⁸. Или также в письме В. М. Карепиной, в конце декабря 1843 года Достоевский пишет: «со мною нужно быть строже и злопамятнее — два качества, совершенно противные твоему добродушию, любящему сердцу»⁵⁹.

Особенно интересно одно из самых ранних писем, в этом обращении к брату Михаилу 31 октября 1838 года семнадцатилетний Фёдор Михайлович уже рассуждает о познании умом и сердцем:

«... чтоб больше знать, надо меньше чувствовать, и обратно, правило опрометчивое, бред сердца. Что ты хочешь сказать словом “знать”? Познать природу, душу, Бога, любовь... Это познаётся сердцем, а не умом. Ежели бы мы были духи, мы бы жили, носились в сфере той мысли, над которою носится душа наша, когда хочет разгадать её. Мы же прах, люди должны разгадывать, но не могут обнять вдруг мысль. Проводник мысли сквозь брентную оболочку в состав души есть ум. Ум — способность материальная... душа же, или дух,

56 *Достоевский Ф. М.* М. М. Достоевскому 19 июля 1840 // ПСС и писем: в 30 т. Т. 28. Кн. 1. Л., 1985. С. 74.

57 *Достоевский Ф. М.* М. М. Достоевскому 22 декабря 1841 // ПСС и писем: в 30 т. Т. 28. Кн. 1. Л., 1985. С. 78.

58 Там же.

59 *Достоевский Ф. М.* В. М. Карепиной конец декабря 1843 // ПСС и писем: в 30 т. Т. 28. Кн. 1. Л., 1985. С. 82.

живёт мыслью, которую нашёптывает ей сердце... Мысль зарождается в душе. Ум — орудие, машина, движимая огнём душевным... Притом... ум человека, увлечшись в область знаний, действует независимо от чувства, следовательно, от сердца. Ежели же цель познания будет любовь и природа, тут открывается чистое поле сердцу...»⁶⁰.

Естественно, данные воззрения великого писателя пока можно назвать скорее философскими⁶¹, чем богословскими или святоотеческими, но тем не менее, здесь уже очевидно проявляется глубокое и последовательное внимание Достоевского к душевному складу человека, к открытию и началу постижения внутренней духовной жизни, которая как раз концентрируется в уме и сердце, что затем многообразно и многогранно отразилось как в раннем, так и в зрелом его художественном творчестве⁶².

Выводы

Подводя итог проведенному исследованию, необходимо отметить, что, уже в раннем эпистолярном наследии Фёдора Михайловича Достоевского начинает складываться его антропологическая модель, в которой именно понятиям «ума» и «сердца» отводится самое значительное место. Ранний Достоевский исследует внутренний мир человека именно в «простоте сердца»⁶³ его, «которое еще никогда так не дрожало и не двигалось..., как теперь перед всеми новыми образами, которые создаются в душе...»⁶⁴. Это впоследствии привело писателя к «перерождению убеждений»⁶⁵ — к христианскому святоотеческому взгляду на мир и человека.

При этом наиболее содержательными в этом плане, как можно было заметить, являются письма Фёдора Михайловича к брату М. М. Достоевскому. Действительно, это «самая большая и ценная часть эпистолярного

60 *Достоевский Ф. М.* Письмо М. М. Достоевскому 31 октября 1838 // ПСС и писем: в 30 т. Т. 28. Кн. 1. Л., 1985. С. 53.

61 Именно так они и толковались в годы СССР.

62 В этой связи см. статью автора: *Максимов П. М.* Ум и сердце героев в раннем рассказе Ф. М. Достоевского «Честный вор» в контексте святоотеческого учения о борьбе с мыслями. БВ. 2024. № 2 (53). С. 202–234.

63 *Достоевский Ф. М.* Письмо М. М. Достоевскому 26 ноября 1846 // ПСС и писем: в 30 т. Т. 28. Кн. 1. Л., 1985. С. 134.

64 Там же.

65 *Достоевский Ф. М.* Дневник писателя 1873 г. // ПСС и писем: в 30 т. Т. 21. Л., 1980. С. 134.

наследия»⁶⁶ раннего Достоевского. По большому счету именно в ней «истоки заветных идей писателя, пронесенных им через всю жизнь»⁶⁷.

Но зачастую эти идеи нередко были или не замечены, или неверно поняты. Как при жизни писателя, так спустя годы после его кончины, например, в том же советском литературоведении⁶⁸. В последнем осмысление наследия писателя производилось учёными исходя из поставленной партийным руководством задачи⁶⁹, непосредственно влиявшей на беспристрастность их оценок. Впрочем, вопрос об истолковании произведений Ф. М. Достоевского в советской и постсоветской действительности представляется весьма обширным, и выходит за границы данного исследования, чтобы рассуждать о нем здесь подробно.

Также до конца невыясненным остается вопрос об источниках понимания ума и сердца Достоевским. Тем не менее, это последовательное внимание писателя к «внутреннему человеку»⁷⁰, жизнь которого сосредоточена в уме и сердце, свидетельствует о формирующемся у молодого Достоевского интересе к разгадке «тайны человека»⁷¹. Это подтверждается им много позже, в 1881 году в не менее известной фразе из Дневника об исследовании «глубин души человеческой»⁷². Причем к разгадке именно в православном ключе.

Дальнейшие перспективы изучения данной темы состоят, прежде всего, в выявлении и изучении православного святоотеческого контекста изображения Ф. М. Достоевским ума и сердца своих героев в избранных произведениях его раннего творческого периода.

66 Фридлиндер Г. М. Письма Достоевского // *Достоевский Ф. М.* ПСС и писем: в 30 т. Т. 28. Кн. 1. Л., 1985. С. 8.

67 Там же.

68 Той теме, например, посвящена содержательная статья Ю. Пуцаева. См.: *Пуцаев Ю. В.* Советский Достоевский: Достоевский в советской культуре, идеологии и философии // *Философский журнал.* 2020. №4. 102–118.

69 «Сталин сказал, что мы, конечно, не собираемся отказываться от Достоевского. Мы широко издавали и будем издавать его сочинения. Но наши литераторы, наша критика должны помочь читателям, особенно молодежи, правильно представлять себе, что такое Достоевский» так записал министр иностранных дел Д. Щепилов полученную им от А. А. Жданова программу оценки творчества Достоевского. См.: *Щепилов Д. Т.* Непримкнувший. М., 2001. С. 93–94.

70 Термин «Внутренний человек» появляется в Новом Завете: *Посему мы не унываем; но если внешний наш человек и тлеет, то внутренний со дня на день обновляется* (2 Кор. 4, 16). *Ибо по внутреннему человеку нахожу удовольствие в законе Божиим...* (Рим. 7, 22).

71 *Достоевский Ф. М.* Письмо М. М. Достоевскому от 16 августа 1839 года // ПСС и писем: в 30 т. Т. 28. Кн. 1. Л., 1985. С. 63.

72 *Достоевский Ф. М.* Дневник Писателя 1881 г. // ПСС и писем: в 30 т. Т. 27. Л., 1984. С. 65.

Источники

- Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового Завета с параллельными местами и приложениями [Текст]: в синодальном переводе. М.: Никея, 2016.
- Варсонофий Оптинский, прп.* Беседы. Издание Введенской Оптиной пустыни, 2005.
- Григорий (Кацяя), иерод.* О сердце человека // Православие. [Электронный ресурс]. URL: https://pravoslavie.ru/42493.html#_ftn1 (дата обращения: 27.11.2024).
- Григорий Синаит, прп.* Творения / пер. еп. Вениамина (Милова). М.: Изд. Новоспасский монастырь, 1999.
- Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
- Исаак Сирий, прп.* Творения: слова подвижнические. Сергиев Посад: [б. и.], ³1911.
- Лосский В. Н.* Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие / пер. с фр. мон. Магдалины (В. А. Решиковой). СТСЛ, ²2012.
- Макарий Великий, прп.* Духовные беседы, послания и слова. М.: Изд. Сретенского монастыря, 2004.
- Максим Исповедник, прп.* Мистагогия // [перевод с древнегреческого А. И. Сидорова ; вступительная статья А. В. Маркова]. М.: Рипол-классик, 2018.
- Никодим Святогорец, прп.* Невидимая брань / пер. с греч. еп. Феофана Затворника Вышенского. М.: Отчий дом, 2023.
- Паисий Величковский, прп.* Об умной или внутренней молитве. М.: Директ-Медиа, 2014.
- Паскаль Б.* Мысли. СПб., 1888.
- Феофан (Говоров), еп.* Ответы на вопросы инока относительно различных деланий монашеской жизни. Боровичи: Тип. И. С. Гомзина, 1908.

Литература

- Бердяев Н. А.* Откровение о человеке в творчестве Достоевского. М.: T8RUGRAM, 2018.
- Буланов А. М.* Святоотеческая традиция понимания сердца в творчестве Ф. М. Достоевского // Христианство и русская литература. Санкт-Петербург.: Наука, 1994. С. 270–306.
- Власкин А. П.* Надрыв // Федор Достоевский. Антология жизни творчества. [Электронный ресурс]. URL: <https://fedordostoevsky.ru/research/aesthetics-poetics/173/> (дата обращения: 15.11.2024).
- Георгий Флоровский, прот.* Пути русского богословия. Минск, 2006.
- Карамзин Н. М.* Чувствительный и холодный // Избранные сочинения: в 2 т. Т. 1. М.; Л.: Художественная литература, 1964. С. 740–754
- Касаткина Т. А.* Достоевский и исихазм: «Преступление и наказание» // Неизвестный Достоевский. 2022. №4. С. 171–185.
- Классицизм // Большая российская энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL: <https://bigenc.ru/c/klassitsizm-aa4dc5> (дата обращения: 14.01.2024).
- Кочеткова Н. Д.* Сентиментализм. Карамзин // История русской литературы: в 4 т. Т. 1 / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). Л.: Наука, 1980 // Фундаментальная

электронная библиотека «Русская литература и фольклор». [Электронный ресурс]. URL: <https://feb-web.ru/feb/irl/r10/r11/r11-7262.htm?cmd=p> (дата обращения: 14.01.2024).

Максимов П. М. Ум и сердце героев в раннем рассказе Ф. М. Достоевского «Честный вор» в контексте святоотеческого учения о борьбе с помыслами // БВ. 2024. № 2 (53). С. 202–234.

Нечаева В. С. Ранний Достоевский 1821–1849. М.: Наука, 1979.

Плетнев Р. В. Достоевский и Евангелие // Русские эмигранты о Достоевском. СПб., 1994.

Пуцаев Ю. В. Советский Достоевский: Достоевский в советской культуре, идеологии и философии // Философский журнал. 2020. №4. 102–118.

Сердце: христианское учение // Азбука веры. [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/serdce-xristianskoe-uchenie#_ftnref2 (дата обращения: 19.11.2024).

Фёдорова П. С. Н. А. Бердяев о Достоевском-антропологе // Слово и образ. Вопросы изучения христианского литературного наследия. 2022. №1 (6). С. 102–107.

Фридлиндер Г. М. Письма Достоевского // *Достоевский Ф. М.* ПСС и писем: в 30 т. Т. 28. Кн. 1. Л., 1985. С. 5–26.

Шепилов Д. Т. Непримкнувший. М.: Вагриус, 2001.